

О. С. СУХИХ

*(Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.):821.111-31(70)(Драйзер Т.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)53-8,44+Ш33(7Сое)53-8,44

ДВЕ СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ («БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» Т. ДРАЙЗЕРА)

Аннотация. Рассматриваются художественные параллели в концепциях романов «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Американская трагедия» Т. Драйзера. Одной из самых важных в обоих произведениях является тема судебного следствия, его закономерностей и ошибок. Целью исследования становится определение тех мотивов, которые объединяют романы русского и американского писателей. При сопоставлении проблематики «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского и «Американской трагедии» Т. Драйзера используется сравнительно-исторический метод исследования, который позволяет выявить как сходства, так и различия в подходе писателей к изображению суда. В центре внимания писателей – поведение подсудимого, обвинителя и защитника, также придаётся немаловажное значение общественному резонансу, сопровождающему следствие.

Ключевые слова: «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Американская трагедия» Т. Драйзера, судебная ошибка, преступление, нравственность.

Ф. М. Достоевского можно отнести к тем писателям, творчество которых всегда будет в определенной степени неразгаданной загадкой как для читателя, так и для исследователя. В этом причина его актуальности, не снижающейся в течение уже более века. Внимание к его романам не ослабевает и за рубежом, хотя, казалось бы, этот писатель отразил чисто российские реалии и психологические типы. Не случайно в конце XIX в. американский писатель и критик Хоуэллс «утверждал, что в Америке невозможны книги с сюжетом, подобным тому, который лег в основу “Преступления и наказания” Ф. М. Достоевского. Хоуэллс писал: “... одна из мыслей, на которую меня навело чтение романа Достоевского “Преступление и наказание”,— это то, что если кто-нибудь возьмет ноту столь глубоко трагическую в американской литературе, то он совершит ложный и ошибочный шаг... Наши романисты поэтому занимаются более улыбочными аспектами

жизни, которые являются и более американскими...» [Засурский]. В действительности жизнь показала, что в романах Ф. М. Достоевского есть некие универсалии, которые имеют вненациональный и вневременной характер. Поэтому в любую эпоху они приобретают свой, особый смысл, и «стремление заново прочитывать и интерпретировать Достоевского есть способ понимания эпохой самой себя, способ не только художественной, но и общеполитической, мировоззренческой рефлексии» [Львова].

Одним из тех писателей, кто видел в творчестве Ф. М. Достоевского источник вдохновения, был Т. Драйзер. Его «Американскую трагедию» критика часто сравнивает с «Преступлением и наказанием». Во многом этому способствовал сам писатель, который упоминал о том, что роман «Преступление и наказание» вызывал у него большой интерес и во время создания «Американской трагедии» он несколько раз перечитывал это произведение [Нартов; Засурский]. Не случайно «Американскую трагедию» в критике «часто называют американским “Преступлением и наказанием”» [Хабибулина]. Исследователи отмечают сходство в трактовке роли социальных обстоятельств в формировании личности героев [Хабибулина; Нартов; Андреев, Самарин 1969], в осмыслении их гордости и индивидуализма, иллюзии некой избранности [Сохряков], в глубоком психологизме [Хабибулина; Нартов], даже в композиционных особенностях произведений [Хабибулина], в значительности религиозной тематики [Хабибулина].

Характерно, что и Раскольников, и Клайд Гриффитс прибегают к софистике, мотивируя для себя подготовку к убийству: Клайду кажется, Роберта Олдэн сама виновата в том, что слишком много требует от него, а Раскольников считает, что процентщица заслуживает смерти, поскольку приносит окружающим лишь страдания.

В обоих случаях эта софистика не помогает избежать мучительных сомнений, колебаний, укоров совести. Оба героя впоследствии приходят к раскаянию [Володарская].

Романы Достоевского и Драйзера объединяет также то, что сочувствие возникает больше к преступнику, чем к жертве. В «Американской трагедии» гораздо подробнее описываются переживания Клайда, чем страдания Роберты и её родителей, страх преступника и его жалость к самому себе изображены так достоверно, что это неизбежно порождает в сознании читателя механизм психологической идентификации, а соответственно и определённую степень сочувствия. У Достоевского же подобная ситуация

усугубляется ещё и тем, что жертва – процентщица – представлена как явно недостойный человек и вообще ни у кого не вызывает жалости.

Очевидны не только сходства, но и различия в концепциях романов «Американская трагедия» и «Преступление и наказание». Раскольников совершает преступление ради идеи, которая основана на стремлении изменить общество ради будущего блага всех. У Драйзера же герой замышляет убийство ради собственного благополучия. В нём побеждает *низменное* начало и ведёт к нравственному преступлению. А Раскольникова, как ни парадоксально, приводит к убийству именно *высокое* начало в его характере. Кроме того, характер сомнений героев, «векторы» их интенций тоже различаются: Клайд Гриффитс *хочет* убить, но не может решиться – Раскольников *не хочет* убивать, но заставляет себя это сделать.

Финалы судеб героев тоже концептуально различны: Раскольников признаётся в преступлении и не старается защититься на суде (ему безразлично, что будет с ним, если его эксперимент не удался, ведь для него главное – идея) – Клайд Гриффитс постоянно стремится уйти от ответственности. В Раскольникове торжествует бесповоротная решимость – в Клайде – полная «нравственная растерянность» [Нартов]. В итоге Раскольникову открыт путь к возрождению, тогда как Клайда ждёт гибель, хотя и он в конце своего пути сделал шаг к переоценке ценностей, когда признал, что «совершил убийство в сердце своём» [Драйзер 1978: 763].

Итак, безусловно, есть множество параллелей в художественных концепциях «Американской трагедии» и «Преступления и наказания». Однако, на наш взгляд, стоит подробного рассмотрения и мотив, объединяющий «Американскую трагедию» с другим романом Ф. М. Достоевского – «Братья Карамазовы», – это *мотив судебной ошибки*. Строго говоря, он присутствует в определённой степени и в «Преступлении и наказании», поскольку судья и присяжные, зная фактическую сторону преступления, не имеют возможности разобраться в его истинной подоплёке. Но в этом романе данная тема осталась на периферии. А в «Братьях Карамазовых» писатель во всех подробностях рассматривает причины и «механизм» совершения судебной ошибки (книга 12 романа так и называется – «Судебная ошибка»), то же самое мы видим и в романе Т. Драйзера «Американская трагедия».

Ни у Достоевского, ни у Драйзера участники судебного процесса (кроме самого подсудимого) не знают и не могут знать, что и как произошло на самом деле, поэтому «в суде речь идет о реконструкции событий “в темноте”» [Герик Хорст], но правда *известна читателю*,

причём из источника, не вызывающего сомнений, – от автора произведения.

В «Братьях Карамазовых» тема убийства и судебного следствия взаимосвязана с образами всех Карамазовых, но сюжетно в её раскрытии более других задействован образ Дмитрия, который «как бы постоянно освещён сильнейшими лампами» [Набоков]. Для этого героя действительно характерны бурные эмоции, переломные решения и «надрывы», что, безусловно, привлекает внимание к данному образу. Именно у Дмитрия острый конфликт с отцом, именно Митя с самого начала озвучивает мысль о том, что такой человек, как Фёдор Павлович, не должен жить на свете. Мысль об отцеубийстве возникает в его сознании по двум причинам: это и ревность, страсть к Грушеньке, и низкое поведение, цинизм самого Фёдора Павловича. Что касается первой упомянутой причины, то она в определённой степени *сближает мотивировку Митиных действий с мотивировкой приготовлений к убийству Клайдом Гриффитсом Роберты Олден*. И в том, и в другом случае имела место любовная коллизия – отказ героя от одной женщины и влюблённость в другую, правда, накал чувств темпераментного Мити Карамазова несравним с переживаниями Клайда. Что же касается отношения к жертве, то здесь можно отметить явное расхождение замыслов писателей. У Достоевского немаловажную роль играет тот момент, что *жертва представлена абсолютно антипатичной* (как и процентщица в «Преступлении и наказании»), тогда как у Драйзера *ситуация обратная*: всем, в том числе и самому Клайду, жаль погибшую Роберту. Это *усиливает драматизм* действия, его эмоциональную насыщенность и в какой-то мере объясняет характер общественного мнения, безоговорочно осуждающего подсудимого. В романе же Достоевского безнравственность жертвы тоже не снижает драматизма в развитии ситуации, поскольку *переводит вопрос в принципиальную плоскость*: заповедь «Не убий!» незыблема вне зависимости от моральных качеств и жертвы, и преступника.

В произведениях обоих писателей значительную роль играет *мотив психологической неустойчивости героя*, его противоречивых порывов и колебаний. В трагический вечер Митя, какое-то время сомневается: «... может, не убью, а может, убью» [Достоевский 1976: XIV, 355], затем под влиянием ненависти и «личного омерзения» решается убить Фёдора Павловича, но, ударив – практически случайно, неосознанно – Григория, он как будто приходит в себя и отказывается от этого намерения.

В «Американской трагедии» герой, в отличие от Мити, готовится к убийству, просчитывает свои шаги, но и он подвержен сомнениям: ему не верится, что он способен на такое, и, действительно, в последний момент он чувствует, что не сможет убить. В конечном итоге причиной гибели Роберты стал «удар, который Клайд нанёс ей случайно, почти бессознательно» [Драйзер 1978: 468], в сочетании с другим действием героя, которое вообще было направлено на помощь, а не на убийство: «Клайд вскочил и сделал движение к ней, отчасти затем, чтобы помочь ей, поддержать, отчасти чтобы просить прощения за нечаянный удар, и этим движением окончательно перевернул лодку» [Драйзер 1978: 468]. Собственно, сознательное преступление героя заключается в бездействии, когда он не спасает тонущую Роберту. При этом в романе есть упоминание о том, что с точки зрения тогдашнего официального правосудия это вообще не считалось уголовно наказуемым деянием, – об этом говорит судья Оберуолцер, его слова потом вспоминает Клайд: «Оберуолцер на суде сказал (когда речь шла о том, как он уплыл от неё), что если она упала в воду нечаянно, то нежелание помочь ей ещё не является преступлением с его стороны» [Драйзер 1978: 756]. В целом в эпизоде гибели Роберты есть столько фактических и психологических нюансов, что квалифицировать действия героя становится крайне сложно: «О том, насколько запутаны события на озере Большой Выпи, говорил известный американский юрист Кларенс Дарроу, заявивший, что вину Клайда определить невозможно. В американских юридических школах специально изучалось убийство Роберты как трудный случай в правовой практике. Клайд виновен в гибели Роберты, и в то же время он не убивал её сам, — на этом строится дальнейшее развитие сюжета “Американской трагедии”. Размышления Клайда передают его внутреннее смятение и страхи, укоры совести. Анализ мыслей и поступков Клайда делают особенно очевидной неправильность и предвзятость решений, принятых судом, который рассматривал дело Клайда Гриффитса» [Засурский].

В обоих произведениях обрисована сложная ситуация: человек *хотел убить и готовился к убийству* – этому есть *свидетельства*, это подтверждается показаниями и уликами. Но тот же самый человек *отказался от убийства, не смог переступить границу*, но этому *свидетельств нет*. В судебном же процессе рассматриваются именно фактические улики и доказательства, которые, как показывают оба рассматриваемых нами произведения, на самом деле вовсе не универсальны: вспомним, например, Раскольникова, который действительно был виновен в преступлении, но улики против него у

пристава следственных дел не было, почему Порфирий Петрович так и рассчитывал на его собственное признание. В «Братьях Карамазовых», как и в «Американской трагедии», ситуация противоположная: масса собранных доказательств против людей, которые невиновны в том, за что их судят.

Трагизм происходящего в обоих романах усиливается тем, что *судьба оборачивается против героя, когда у него, казалось бы, был шанс всё изменить*. Митя Карамазов говорит об этом с горечью: «Хотел стать навеки честным человеком именно в ту секунду, когда подсекла судьба» [Достоевский 1976: XV, 94]. Клайд Гриффитс переворачивает лодку и губит тем самым Роберту именно в тот момент, когда хочет спасти её, что, собственно, спасло бы и его самого.

В принципе, можно понять присяжных, которые не имеют возможности «читать в душе» человека, а рассматривают факты, показания и улики. Но это лишь говорит о верности одной из главных идей романов Ф. М. Достоевского – идеи, выраженной художественно в образах Сонечки, считающей, что человек *не может быть судьёй* другому человеку, и Алёши Карамазова, который «не хочет быть судьёй людей» [Достоевский 1976: XIV, 18]. А вот участники судебных процессов в романах Достоевского, и Драйзера судят человека, но не понимают его. Не случайно М. М. Бахтин писал: «Самую глубокую картину ложной психологии на практике дают сцены предварительного следствия и суда над Дмитрием в “Братьях Карамазовых”. <...> Все, кто судят Дмитрия, лишены подлинного диалогического подхода к нему, диалогического проникновения в незавершенное ядро его личности. Они ищут и видят в нём только фактическую, вещную определенность переживаний и поступков и подводят их под определенные уже понятия и схемы» [Бахтин 1963: 83. Разрядка автора. – О. С.]. Вот, например, один из ключевых свидетелей – Григорий – утверждает, что была открыта дверь из дома в сад (это служит косвенным доказательством вины Дмитрия), хотя на самом деле она была закрыта. Григорий лжесвидетельствует не по злому умыслу, просто он совершенно убеждён, что старшего Карамазова убил именно Дмитрий, и эта сложившаяся в его сознании картина преступления предполагает, что дверь должна была быть открыта, ведь преступник убежал с места преступления. В данном случае мы имеем дело с «добросовестным заблуждением» свидетеля, которое становится одним из «кирпичиков» в фундаменте обвинения. Или другой пример: прокурор Ипполит Кириллович излагает трактовку поведения Мити: «Представьте, он

вдруг уверяет нас, что он тогда соскочил к нему (*раненому Григорию – О.С.*) вниз из жалости, из сострадания, чтобы посмотреть, не может ли чем ему помочь. Ну такова ли эта минута, чтобы выказывать подобное сострадание? Нет, он соскочил именно для того, чтоб убедиться: жив ли единственный свидетель его злодеяния? Всякое другое чувство, всякий другой мотив были бы неестественны!» Для прокурора – неестественны. А для Мити – естественны. Он ударил Григория бессознательно (так же, как и Клайд Гриффитс Роберту), вовсе не желая его убить, поэтому его порыв (как и порыв Клайда броситься к девушке, чтобы удержать её в лодке, а не столкнуть) вполне объясним, но не для прокурора, который истолковывает поведение подсудимого с точки зрения стереотипа.

В речах прокурора и защитника, посвященных описанию жизни подсудимого, обстановки в семье, всё строится на «психологии», которую М. М. Бахтин вполне мотивированно назвал ложной: каждый представляет подсудимого таким, каким видит его сам или же хочет видеть. Практически так же получается и в романе Т. Драйзера. Весь калейдоскоп запутанных и противоречивых чувств Клайда просто недоступен пониманию извне, тем более что никто по-настоящему и не стремится его понять, хотя при этом каждый уверен, что знает истину в последней инстанции. Это касается не только участников процесса, но и *настроения общества* в целом. Нужно сказать, в обоих произведениях отмечено, что преступление, приписываемое герою, вызывает очень большой общественный резонанс и это не может благоприятно повлиять на ход судебного следствия, поскольку участники процесса постоянно находятся под давлением общественного мнения, которое уже сложилось. В «Братьях Карамазовых» с долей иронии повествователь сообщает, что дамы настроены в пользу Мити, мужчины же – против него, но при этом и те, и другие уверены в его виновности. Характерная деталь: Ракитин *ещё до суда* пишет статью о «настоящем преступлении» Дмитрия Карамазова. В «Американской трагедии» всё общество заранее уверено в том, что произошло именно преднамеренное и жестокое убийство, и в виновности Клайда Гриффитса.

Предвзятые и стереотипные суждения свойственны не только обвинителям, но и *защитникам*. Например, адвокат Джефсон не может себе представить такого состояния, о котором говорит Клайд Гриффитс, не верит ему, но готов пойти на хитрость и придумывает такие обстоятельства, которые объясняли бы поведение Клайда. Второй адвокат – Белнеп, в принципе, верит, но понимает, что никто другой не способен поверить, поэтому поддерживает план партнёра. Клайда

Грифитса вынуждают дать ложные показания, и он полностью доверяется адвокатам, надеясь на их расчётливость и ум. Что касается адвоката Мити Карамазова, тот не верит в его невиновность, поэтому Митя не видит смысла в его работе и не доверяет ему. Герою Достоевского не нужны никакие компромиссы, уловки, чьи-либо одолжения и жалость, в отличие от Клайда Гриффитса, который как раз на всё это рассчитывает.

И Достоевский, и Драйзер обращают самое серьёзное внимание на то, что *одним из определяющих факторов в судебном процессе становятся амбиции его участников*. В «Братьях Карамазовых» прокурор Ипполит Кириллович крайне эмоционально относится к работе: в деле Карамазова он состязается со знаменитым адвокатом Фетюковичем, которого очень хочет победить, тем более что к их «дуэли» все в обществе проявляют повышенное внимание. Для каждого из них победа – это вопрос профессионального престижа и славы. В «американской трагедии» прокурор Орвил Мейсон стремится сделать политическую карьеру, и дело Гриффитса должно принести ему общественное признание и популярность. Кроме того, здесь, как и в романе Достоевского, прокурор и адвокат представлены не просто как стороны в судебном заседании, но как противники, во вражде которых есть много личного. Адвокат Белнеп – представитель другой партии и опасный соперник Мэйсона, стремящийся помешать прокурору стать судьёй округа.

Знаменательно и ещё одно совпадение: в обоих произведениях *адвокаты делают попытку сослаться на невменяемость подсудимого*. В случае Клайда Гриффитса препятствием становится нежелание его родственников. Митя же сам этого не желает и даже активно противится такому «ложному ходу».

Отметим ещё один важный момент, концептуально объединяющий романы русского и американского писателей. Изображая психологическое состояние человека, обвиняемого в убийстве, Ф. М. Достоевский и Т. Драйзер *переводят вопрос о виновности / невиновности в плоскость нравственную*: в «Братьях Карамазовых» Митя признаёт свою вину в том, что хотел смерти отца; в «Американской трагедии» Клайд в конце концов на исповеди перед казнь признаёт, что хотел гибели Роберты, а значит, виновен перед Богом и перед совестью.

Тем не менее, перед судом Клайд Гриффитс думает о возможности спасения, в нём теплится надежда. Митя же уверен, что его осудят, поэтому с пришедшим к нему Алёшей он говорит не о предстоящем приговоре, а совсем о другом: о науке и Боге, о том, что почувствовал

в самом себе другого, чем раньше, человека, как будто воскресшего для новой жизни. «Мы до сих пор всё с тобой о пустяках говорили, всё про этот суд...» [Достоевский 1976: XV, 27], - говорит Митя, расставляя приоритеты: суд – пустяки, а Бог, вера, истинно человеческое в человеке – это главное. Он спокоен, потому что для себя всё решил: нужно принять свой крест, тем более что после сна о страдании, о плаче ребёнка он задумывается о том, чтобы как-то исправить мир, искупить грехи: «Потому что все за всех виноваты. <...> За всех пойду, потому что надобно кому-то и за всех пойти» [Достоевский 1976: XV, 31]. Итак, Митя Карамазов спокойно принимает приговор, перед вынесением которого у него не остаётся никаких иллюзий, тогда как Клайд Гриффитс до самого конца ищет какой-то компромисс с совестью: «Но ведь такое покаяние, если на него решиться, наверняка приведет к его окончательному и безвозвратному осуждению. А разве он хочет признать себя виновным и умереть? Нет, нет, лучше подождать ещё немного, хотя бы до решения апелляционного суда. Зачем рисковать? Ведь бог всё равно знает правду» [Драйзер 1978: 756-757].

Объединяет героев Достоевского и Драйзера возникающая у них *мысль о побеге*. Клайд Гриффитс в какой-то момент задумывается об этом шаге, поскольку чувствует, что в суде все настроены против него, и боится приговора, но для побега он слишком нерешителен и слаб. Мите Карамазову бежать советует Иван, даже настаивает, самому же ему такое в голову не приходило, поскольку он решил принять каторгу как искупление и очищение. Однако впоследствии он начинает осознавать, насколько тяжёлым будет этот крест, и серьёзно задумывается о перспективах побега, строит конкретные планы, как потом вернуться в Россию. Заметим, Иван предлагает брату бежать не куда-нибудь, а именно в Америку, где примерно через полвека развернётся «американская трагедия», так похожая на трагедию российскую. Подчёркивая концептуальный смысл названия своего романа, Т. Драйзер писал: «Я долго раздумывал над этим происшествием, ибо мне казалось, что оно не только отражает все стороны нашей национальной жизни — политику, общество, религию, бизнес, секс,— это была история, столь обычная для любого парня, выросшего в небольшом городе Америки» [Th. Dreiser. Letters (Цит. по: Засурский)]. Как видим, если Хоуэллс, которого мы цитировали выше, считал трагический сюжет о нравственном преступлении чуждым американской почве, то Т. Драйзер полагал, что это, наоборот, «чисто американская» коллизия. У героя Ф. М. Достоевского предыстория, безусловно, иная, но судьбы этих двух непохожих людей

обрели точку соприкосновения, поскольку тема несправедливого суда, равнодушного к личности, оказалась интернациональной.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л. Г., Самарин Л. М. История зарубежной литературы после Октябрьской революции: учеб. пособие для гос. ун-тов. М. : Изд-во МГУ, 1969. Т. 1. Ч. 1.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2 изд., испр. и доп. М. : Сов. писатель, 1963.

Володарская Л. И. Клайд Гриффитс // URL: <http://www.c-cafe.ru/words/244/24350.php> (дата обращения: 05.08.2015).

Драйзер Т. «Американская трагедия» / пер. З. Вершининой, Н. Галь. М. : Худож. лит., 1978.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14-15.

Засурский Я. «Американская трагедия» Теодора Драйзера // URL: <http://www.litmir.co/br/?b=250135&p=1> (дата обращения: 05.08.2015).

Львова И. В. Ф. М. Достоевский и американский роман 1940-1960-х годов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Вел. Новгород, 2010 // URL: <http://www.pandia.ru/144220/> (дата обращения: 22.04.2015).

Набоков В. В. Лекции по русской литературе // URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=115358> (дата обращения: 08.08.2015).

Нартов К., Лекомцева Н. Взаимосвязи отечественной и зарубежной литератур в школьном курсе // URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/65605/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 05.08.2015).

Сохряков Ю. И. Творчество Ф. М. Достоевского и реалистическая литература США 20-30-х годов XX века (Т. Драйзер, Ш. Андерсон, Ф. Скотт Фицджеральд) // URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/sohrakov-dostoevski.html> (дата обращения: 05.08.2015).

Хабибулина Г. Н. Философия индивидуализма в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» // URL: http://kpfu.ru/staff_files/F1564722908/Filosofiya_individualizma.pdf (дата обращения: 05.08.2015).

Хорст Герик. Места преступлений Достоевского // URL: <http://transformations.russian-literature.com/mesta-prestuplenija-dostojevskogo> (дата обращения: 10.08.2015).